
АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ДОБРЫНИН

(биографический очерк)

А.Ф. Добрынин (1919–2010) – выдающийся советский/российский дипломат и политический деятель, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Герой Социалистического Труда.

Родился 16 ноября 1919 г. в деревне Кресты Горьковского уезда Московской губернии в рабочей семье. Отец – Федор Павлович Добрынин, слесарь по профессии; мать – Александровна Добрынина, домохозяйка, потом работавшая билетным контролером в театрах. Со времен учебы в МАИ женился на Ирине Николаевне Добрыниной (Земковой) родом из Саратовской области. Дочери – Елена и Екатерина, внук Алексей, правнуки – Петр и Анна.

Анатолий Федорович Добрынин – один из самых крупных дипломатов послевоенного периода, занявший уникальное место в истории отечественной и мировой дипломатии. Особенно ярко его дипломатический талант проявился на посту Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Соединенных Штатах Америки. Он проработал на этом посту почти четверть века (1962–1986) и внес весомый вклад в урегулирование сложнейших кризисных ситуаций, начал процесс ограничения гонки вооружений и разоружения в мире, нормализацию двусторонних отношений и укрепление международного престижа Советского Союза.

А.Ф. Добрынину довелось иметь дело с шестью президентами США: Джоном Кеннеди, Линдоном Джонсоном, Ричардом Никсоном, Джеральдом Фордом, Джеймсом Картером и Рональдом Рейганом, весьма признанными по своему характеру, знаниям, темпераменту, умению вести государственные дела, прежде всего в области внешней политики и отношений с Советским Союзом. Были среди них действительно крупные фигуры, надолго запомнившиеся, и те, которые остаются в памяти

небольшой след в памяти, но каждый из них, несомненно, обладает своей индивидуальностью. Кроме того, Антолий Федорович был знаком также с президентом Гарри Трумэном, Дуайтом Эйзенхауэром и Джорджем Бушем. Никто, кроме него, не был ни всех советско-американских встреч ни на высшем уровне (1955–1985), ни членом конференции в Женеве.

Между тем не дипломатическую стезю Антолий Добрынин вступил неожиданно для самого себя. Произошло это довольно необычным образом. Его отец, как дровосек бочий, делал все, чтобы сын получил высшее образование и стал инженером. Так и случилось. В 1937 г. сын поступил в Московский авиационный институт им. Серго Орджоникидзе, который закончил в 1942 г. по специальности «Авиационные двигатели и энергетические установки». Был потом аспирантом, старшим лаборантом, помощником декана МАИ. Работал технологом, затем инженером-конструктором на опытном заводе № 115 под руководством известного авиаконструктора А.С. Яковлева, чьи знаменитые самолеты-истребители составляли значительную часть парка советской авиации на фронте Великой Отечественной войны. Главным конструктором хорошо относился к молодому инженеру, курировал его работу на заводе и, как признался позднее, не делясь, что лет через десять он станет его заместителем. Однажды в лице ЦК ВКП(б) поссорился с ним.

На одном из заседаний Политбюро летом 1944 г. И.В. Сталин поднял вопрос о дипломатических курсах. Он исходил из того, что после войны понемногу добьются квалифицированные и достаточно многочисленный отечественный дипломатический корпус для того, чтобы вести оживленную внешнеполитическую работу, поддерживая новые связи и контакты с признанными государствами, так же решать многие сложные послевоенные проблемы. Для этого следовало, не мешкая, расширить Высшую дипломатическую школу (ВДШ) и готовить соответствующие кадры. При этом Сталин особо отметил, что набирать молодых людей в эту школу нужно прежде всего из среды инженеров – из тех, кто работает на заводах, имеет опыт взаимоотношений в рабочих коллективах и проявляет способность уживаться в них неизбежные чисто человеческие конфликты в небывало трудных условиях жестокой войны. Если они могут это делать, то смогут работать и дипломатами, считал он. Это был своеобразный «сталинский призыв» в дипломатию, хотя никто не знал и не говорил об этом.

«В один из летних дней военного 1944 г. на авиационный завод, где я тогда работал, – вспоминает А.Ф. Добрынин, – позвонили из ЦК партии и предложили явиться к ним на следующий день.

Я никогда прежде не бывал в столь высоких инстанциях и поэтому терялся в догадках: зачем я, рядовой инженер, мог там понадобиться. Прихожу на другой день в бюро пропусков ЦК. Меня направляют в Управление кадров.

Принял меня солидный, не улыбочивый и строгий на вид человек, который произвел, конечно, впечатление, во всяком случае, на новичка и тем более на человека моего возраста. Я даже до сих пор помню его имя. “Сдобнов – инструктор ЦК партии по кадрам”, – отрекомендовался он. Всем своим видом он показывал, что не очень-то склонен вступать в какие-то длинные разговоры или обсуждения. “Есть мнение, – изрек он, – направить Вас на учебу в Высшую дипломатическую школу”. Надо сказать, что формулировка “есть мнение” (чье, кого конкретно – неизвестно) была долгое время излюбленной фразой в советском партийном и государственном лексиконе. Налет таинственности и властности: не знаешь, к кому и апеллировать по своему личному делу, остается вроде один выход – соглашаться.

Для меня такое предложение, означавшее коренную ломку профессии и прыжок в неизвестность, было полной неожиданностью. Сказать, что я был ошеломлен, – пожалуй, ничего не сказать.

Не видя какого-либо восторга с моей стороны (я даже попытался что-то возразить), Сдобнов отрезал: “Идет война. Партии видней, как и где использовать свои кадры. Так что вопрос, по существу, предрешен. Впрочем, можете подумать до завтра, утром я снова жду Вас”.

Озадаченный и сбитый с толку, я отправился домой на “семейный совет”. По довольно распространенному тогда в рабочей среде мнению, разделявшемуся моим отцом, дипломаты, вращавшиеся в “высших сферах”, – либо “жулики”, либо “обманщики”, и отец никак не хотел, чтобы его единственный сын вступил на такой путь. Я сам, хотя и был более начитан, но все же имел довольно смутное представление об этой профессии. Работа на авиазаводе

мне нравилась, и я, разумеется, никогда не помышлял идти в какие-то дипломаты. Короче, укрепился во мнении, что дипломатия не для меня.

Услышав на следующее утро мой ответ, инструктор Сдобнов страшно разгневался. Заявил, что я молод (мне было 25 лет) и не понимаю той великой чести, которую мне оказывают, направляя на учебу в Высшую дипломатическую школу, и что если я не понимаю добрых слов, то тогда должен рассматривать сделанное мне предложение уже как приказ военного времени, который подлежит безусловному выполнению.

Так мне пришлось расстаться и с заводом, и с авиацией, которую я любил и за развитием которой старался урывками следить всю свою жизнь, даже уже находясь на дипломатической работе».

В разгар Великой Отечественной войны он, по сути, был мобилизован в дипломатическую службу. Новый набор в ВДШ (около 50 человек), куда входил А.Ф. Добрынин, почти целиком состоял из молодых инженеров, преимущественно из видционной промышленности, поскольку еще до войны видционные институты считались в СССР особо престижными и туда охотно шли учиться наиболее способные и энергичные молодежь.

После двух лет учебы в Дипломатической школе (1944–1946) всех выпускников прикомандировал министр иностранных дел В.М. Молотов в различные отделы МИД СССР. Однако А.Ф. Добрынин, блестяще защитивший диплом, оставили еще на год при ВДШ для защиты диссертации и соискания ученой степени кандидата исторических наук. Свою диссертацию по дальневосточной политике США он успешно защитил через 10 месяцев (ее издали затем в виде монографии под псевдонимом А. Добров).

Потом А.Ф. Добрынин был назначен в работу в МИД. Год был без должности в резерве центрального аппарата МИД СССР, затем стал вторым, потом – первым секретарем (1948), помощником ведущего Учебным отделом. Этот год был для него от прерванной дипломатической деятельности. Отдел занимался организационной и учебно-методической работой по руководству двумя учебными заведениями министерств: ВДШ и МГИМО.

Через год его вызвал к себе новый министр А.Я. Вышинский (он заменил В.М. Молотова) и предложил стать ведущим Учебным отделом. Однако перспектив застрянуть в этом отделе на многие годы и погрязнуть в рутинной работе всевозможных инструкций и методических пособий фактически ставил крест на всех мечтах молодого дипломата вырваться на «оперативный простор». Поэтому он вежливо, но твердо отказался от сделанного предложения.

«Это сильно рассердило министра, ибо предложенная им должность по бюрократической иерархии министерства выводила на высокий чин мидовского генерала (государственный советник II класса).

Какой тут поднялся шум! Вышинский вообще не стеснялся в выражениях, особенно с подчиненными ему людьми, и тут он дал себе волю. “Мальчишка! Ему предлагают генеральскую должность, а он отказывается. Ему, видите ли, не нравится работа! – кричал на меня министр. – А ты знаешь, сколько людей в МИДе, не раздумывая и с благодарностью приняли бы такое предложение?”

Высказав все, что он думает обо мне, он крикнул: “Можешь уходить!” И с размаху перечеркнул синим карандашом проект приказа о моем назначении, бросив его начальнику кадров Струнникову, попутно обругав последнего “за полное незнание кадров и непродуманные предложения”.

Нечего и говорить, какое было у меня настроение после такого первого личного знакомства с новым грозным министром. Пришлось вернуться на прежнюю должность в Учебный отдел и тянуть еще некоторое время ту же ляжку».

Однако «провинившемуся» дипломату все же повезло. Вскоре на должность заместителя министра был назначен В.А. Зорин, один из опытейших дипломатов. С 1949 г. он и взял к себе помощником молодого сотрудника, стремившегося к активной дипломатической работе. (Впоследствии, в 1960-х годах, В.А. Зорин был постоянным представителем СССР в ООН, и они вместе с А.Ф. Добрыниным, который стал к тому времени послом, одновременно работали в США, один – в Нью-Йорке, другой – в Вашингтоне.)

После пяти лет работы в МИДе встал вопрос о назначении Добрынина на должность, так как по существующим пра-

л м р бот в Москве, в центр льном пп р те министерств , должн чередов ться с р ботой з рубежом. В.А. Зорин и Упр вление к дров предложили н зн чить его н пост гл вы посольств в Швейц рии.

Одн ко А.Я. Вышинский, вспомнив его отк з возгл вить Учебный отдел, воспротивился т кому н зн чению, с с рк зом з явив, что поездк «т кого молодого здоровяк » в Швейц рию был бы р вносильн курорту и что его н до н пр вить н н стоящую р боту, где пришлось бы все время ктивно и в полную силу трудиться. «Н пример, в США, с которыми у н с плохие отношения», – доб вил он н зид тельно.

Т к получилось, что это спонт нное н зн чение положило н ч ло « мерик нскому н пр влению» во всей д льнейшей диплом тической службе А.Ф. Добрынин .

27 сентября 1952 г. ст ло первым днем его р боты в посольстве в В шингтоне в к честве советник . Он довольно быстро з служил репут цию зн ющего и ответственного сотрудник . Во многом ск з лся опыт, полученный им з время р боты в центр льном пп р те МИД СССР. 24 июля 1954 г. он был н - зн чен советником-посл нником посольств .

В 1955 г. в С н-Фр нциско торжественно отмеч лось 10-летие созд ния ООН. Советскую делег цию возгл влял В.М. Молотов. В Нью-Йорк он прибыл п роходом, но в С н-Фр нциско решил поех ть поездом, чтобы немного посмотреть стр ну. А.Ф. Добрынину довелось сопроводж ть его в этой поездке. Поскольку постоянный переводчик министр О.А. Трояновский был вынужден срочно вернуться из США в Москву, Ан -толию Федоровичу пришлось выполнять функции помощник и переводчик во время многочисленных встреч и бесед В.М. Молотов с предст вителями политической элиты Америки, в ч стности с госсекрет рем Джоном Фостером Д ллесом. (Эт встреч , вспомин л он, могл служить кл ссической иллюстр цией конфронт ции двух великих держ в.)

Со своими новыми, неожид нными обяз нностями А.Ф. Добрынин спр вился, видимо, неплохо. Спустя несколько месяцев после возвр щения В.М. Молотов в Москву был получен неожид нный прик з о его н зн чении одним из помощников министр .

Более двух лет он – помощник министр иностр нных дел СССР. По призн нию Ан толия Федорович , в психологическом пл не это был, пож луй, с мый трудный период всей его

дипломатической работы. Все больше обострялись отношения В.М. Молотов с Н.С. Хрущёвым, он становился раздражительным, подозрительным и несдержанным, все это болезненно отражалось на сотрудниках его аппарата.

После смещения В.М. Молотов с поста министр А.Ф. Добрынин продолжал работать в секретариате министра при Д.Т. Шепилове, затем – при А.А. Громыко. По рекомендации последнего Генеральный секретарь ООН Дж. Х. М. Рашельд назначил его в апреле 1957 г. своим заместителем.

Одновременно А.Ф. Добрынину был присвоен дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

С Дж. Х. М. Рашельдом у него установились своеобразные личные отношения. Добрынин был единственным из его заместителей, который не очень зависел от него как «работодателя», так как был как бы отделан от него «выжимкой» из действующей дипломатической службы и мог туда вернуться в любой момент по решению своего правительства. Это способствовало тому, что Генеральный секретарь ООН стал раздражителем своего советского заместителя в качестве негласного канала связи с руководством СССР. Молодой дипломат приобрел здесь свой первый опыт работы по конфиденциальным каналам, который впоследствии широко использовался им при негласных контактах с различными президентскими администрациями в США.

Нельзя сказать, что с самого начала министр А.А. Громыко предоставил А.Ф. Добрынину право самостоятельной шифропереписки из Нью-Йорка, минуя постоянного представителя не только по делам ООН, но и вообще по вопросам наших отношений с США. Так сложилось, что часть его телеграмм непосредственно в порядке информации в правительство СССР. Видимо, это сыграло свою роль, когда через три года, в марте 1960 г., его отозвали из Секретариата ООН и назначили членом коллегии МИД и заместителем ведущим Отделом стран Америки. Около двух лет он возглавлял этот отдел.

Приступив снова к работе в центральном аппарате МИД СССР, А.Ф. Добрынин попал в состав группы подготовки в Москве к новому совещанию глав правительств четырех держав, которое было намечено провести в Париже 16 мая 1960 г. Ранее, в 1955 г., он в качестве помощника министра иностранных дел принимал участие во встрече глав правительств в Женеве, в которой участвовали Н.А. Булганин, Дуайт Эйзенхауэр, Антони

Иден и Фор. Н Женевском совещании тогда обсуждались вопросы объединения Германии, различные аспекты европейской безопасности, разоружения, развития контактов между Востоком и Западом.

На Парижском совещании предполагалось вновь рассмотреть вопросы разоружения и отношений между Востоком и Западом, также прекращения испытаний ядерного оружия, заключения мирного договора с Германией, включая вопрос о Западном Берлине.

Вторжение американских разведывательных самолетов У-2 в воздушное пространство СССР 9 мая и 1 мая 1960 г., также публичное опровержение этих полетов Президентом США Д. Эйзенхауэром и госсекретарем К. Гертером, после того как американский самолет был сбит под Свердловском, привели к срыву Парижского совещания. Не состоялся и намеченный ранее поездка Президента США в Советский Союз. Произошло общее резкое ухудшение советско-американских отношений.

В своих первых публичных выступлениях после победы на выборах 1960 г. новый Президент США Джон Кеннеди заявлял о намерении своего правительства улучшить отношения с СССР и урегулировать международные проблемы путем переговоров.

В свою очередь, в приветственной телеграмме Советского правительства президенту Кеннеди от 20 января 1961 г. выразил уверенность в достижении «коренного улучшения отношений» между двумя странами, также и «оздоровление всей международной обстановки».

Дальнейшие события показали, однако, что двигаться по этому пути, сторонам предстояло преодолеть немало препятствий. Одним из постоянных раздражителей в советско-американских отношениях на длительный период времени стал так называемый «кубинский вопрос», переросший в 1962 г. в печально известный Карибский кризис. Так случилось, что А.Ф. Добрынин стал одним из самых непосредственных участников этих драматических событий, но уже в новом качестве – посланцем.

Анатолий Федорович Добрынин был назначен послом СССР в Соединенных Штатах Америки на заседании Политбюро ЦК КПСС в самом конце 1961 г. Его бессменная служба на этом ответственном посту в течение 24 лет не имеет аналогов в истории дипломатической службы нашего государства.

Его к ндид туру выст вил Н.С. Хрущёв вз мен уходивше-го н пенсию М.А. Меньшиков . Вот к к Ан толий Федорович с м р сск зыв ет об этом.

«...Состоялось очередное заседание Политбюро. На заседании рассматривался ряд вопросов, касающихся отношений с США, поэтому был приглашен и я. В конце обсуждения Хрущёв сказал, что у него остался еще один вопрос “вне повестки дня” – о назначении нового посла в США в связи с уходом М.А. Меньшикова на пенсию.

Ожидая, что Хрущёв может спросить мое мнение на этот счет, как это нередко бывало по американским делам, я стал лихорадочно перебирать в уме возможные кандидатуры.

Однако он не стал ничего спрашивать (как после выяснилось, члены Политбюро обсуждали уже этот вопрос в узком кругу еще до начала заседания, но я не знал этого). Хрущёв сказал, что у него есть одна кандидатура. В полухитливой форме он добавил, что лучше всего, видимо, назначить на этот пост человека, который часто умеет отгадывать реакцию американцев на то или иное его предложение. “Ему и карты в руки”. И тут он назвал мою фамилию, спросив, какое будет мнение на этот счет.

Члены Политбюро заулыбались. “Поддерживаем, поддерживаем”, – сказали они. Хрущёв подытожил: “На этом и решим”, – после чего поздравил меня с назначением.

Для меня действительно все это было полной неожиданностью. Я и не думал об этом. Мне исполнилось всего 42 года, и я еще ни разу не был послом ни в какой стране. А тут назначение на пост № 1 в советском дипломатическом корпусе.

Когда я пришел домой и сообщил жене, она сперва тоже не поверила. “Вечно ты шутишь”. Да я и сам как-то еще не освоился с этой мыслью. Лишь когда нам домой позвонил Громыко и поздравил с назначением, только тогда до нас обоих стала доходить ожидавшая нас крутая перемена и в жизни, и в работе.

Так я стал девятым по счету советским послом в Америке (после Громяновского, Уманского, Литвинова, Громыко, Новикова, Панюшкина, Зарубина и Меньшикова). Но я, раз-

умеется, не знал и не мог даже предполагать, что пробуду на этом посту почти четверть века, с 1962 по 1986 год.

Начался совершенно новый этап в моей жизни».

Н тот момент ключевой проблемой в отношениях с З п дом был герм нский вопрос, и особенно – ст тус Берлин . Хрущёв и Громыко потребов ли от Добрынин уделить м кси м льное вним ние этой проблеме. Перед отъездом в В шингтон вновь н зн ченный посол был у Н.С. Хрущёв для получения н путственных инструкций. Его н к з был энергичен: твердо отст ив ть и продвиг ть интересы Советского Союз и «не подд в ться н провок ции». Вместе с тем он д л несколько не-обычный для его общего эмоцион льного поведения совет: «Не з дир ться без нужды». Он прямо ск з л, что войн с США недопустим и что посол должен исходить из этого. Это – гл вное.

Из ск з нного им д лее было видно, что основной з д чей н тот момент в н ших отношениях с США он ст вил решение герм нского вопрос и проблемы З п дного Берлин (в духе того, что он говорил Кеннеди в Вене: з ключение мирного до-говор с двумя герм нскими госуд рств ми – ФРГ и ГДР, при этом З п дный Берлин н делается ст тусом «вольного город »). Т кое решение должно было, по его мнению, внести ст -бильность в послевоенную Европу и несколько огр ничить влияние США в возрожд вшейся Герм нии, что вызыв ло оз -боченность у советского руководств . О Кубе Хрущёв не ск з л ничего, хотя через полгод именно этот вопрос перерос в оп с-ное противостояние двух великих держ в.

Советское посольство в США было во многих отношениях уник льным. Оно являло собой к к бы внешнеполитическое ведомство в мини тюре, з ним ясь всеми основными н пр влениями внешней политики. Н ряду с общими н пр влениями политики в посольстве имелись отделы по Европе, Южной Азии, Кит ю, Ближнему Востоку, Л тинской Америке, Аф-рике, если говорить только о регион льных спект х р боты. Одновременно действов ли отделы внутренней политики, эконо-мики, н уки и техники, культурных связей, информ ции и другие тр диционные звенья любого посольств , к к консуль-ский отдел.

В те времен в посольстве р бот ло не менее 100 дипло-м тов. Это было с мое крупное посольство Советского Союз

в мире, и роль его, безусловно, предопределял сь н пряженно- стью «холодной войны», в которой СССР и США следили з поведением друг друг во всех уголк х земного ш р .

В к честве советского посл А.Ф. Добрынин прибыл в зд - ние советского посольств н 16-й стрит в В шингтоне 15 м р - т 1962 г., когд президентом был Кеннеди. И хотя инструкти- ров вший его перед отъездом А.А. Громыко, к ки Н.С. Хрущёв, дел л упор н то, что гл вной проблемой, которой нужно з - няться в первую очередь, был герм нский вопрос, в ч стности ситу ция вокруг З п дного Берлин , жизнь р спорядил сь т к, что уже в первые месяцы службы нового посл отношения между СССР и США прошли серьезное испыт ние н проч- ность совсем в другом р йоне – вокруг Кубы, где возник один из с мых оп сных кризисов послевоенного период . С м Ан то- лий Федорович об этом позднее ск жет т к: «З долгие 24 год моей р боты в к честве посл СССР в США пришлось пере- жить нем ло др м тических и н пряженных событий, которы- ми изобилова ли советско- мерик нские отношения в период «холодной войны». Пож луй, н иболее з помнившимся был оп снейший К рибский кризис 1962 г., впервые пост вивший мир н гр нь ядерной к т строфы».

К к известно, после пров л интервенции н Кубе в преде 1961 г., предпринятой кубинскими контрреволюционер ми при поддержке США, В шингтон продолж л ок зыв ть всесторон- ний н жим н Кубу. В янв ре 1962 г. США добились исключе- ния Кубы из Орг низ ции мерик нских госуд рств и прибе- гли к экономической блоке де.

Летом и осенью 1962 г. обст новк в К рибском б ссейне еще более обострил сь. К берег м Кубы н пр влялись мер- ик нские боевые кор бли, в воздухе в этом р йоне кругло- суточно н ходились с молеты стр тегической ви ции США. ЦРУ и Пент гон р зр бот ли долгосрочный пл н под кодо- вым н именов нием «М нгуст ». Он был н пр влен н подрыв и свержение режим К стро. Пл н был одобрен и президентом Кеннеди.

Усилив лся психологический прессинг н Кубу, т кже проп г ндистск я к мп ния против СССР в связи с ок зыв е- мой Москвой военной и экономической помощью Кубе.

В з явлении ТАСС от 11 сентября 1962 г. Советское пр ви- тельство осудило ведущуюся в США вр ждебную к мп нию против СССР и Кубы и подчеркнуло, что «сейч с нельзя н -

п сть н Кубу и р ссчитыв ть, что это н п дение будет безн к - з нным для грессор ».

К к позже ст ло видно, подобное з явление подкреплялось конкретными ш г ми. Еще в м е 1962 г. между советским и кубинским руководством были достигнуты в строж йшей т йне договоренности о р змещении н территории Кубы советского ядерного оружия.

14 октября мерик нские с молеты-р звездочки У-2 неожид нно з секли н Кубе ст ртовые площ дки, предн зн ченные для р кет средней д льности.

Президенту Кеннеди пришлось срочно переоценив ть кубинскую ситу цию. В Белом доме н ч лись непрерывные з сед ния созд нной при президенте «кризисной группы». Многие ее члены выск зыв лись з немедленное проведение силовых кций вплоть до бомб рдировки советских ст ртовых площ - док и выс дки н Кубе мерик нских войск. Одн ко Кеннеди после долгих колеб ний пришел к выводу, что при решении возникшей проблемы предпочтение должно быть отд но прежде всего диплом тии, переговор м и компромисс м при од новременном использов нии силового н жим .

Именно в момент лихор дочной з кулисной ктивности мерик нской дминистрации вокруг кубинских дел 18 октября состоял сь встреч президент Кеннеди с министром иностр нных дел СССР Громыко.

Посол Добрынин присутствов л н этой д леко не ордин рной встрече. Бесед с Кеннеди, к к призн в л позже в своих мему р х Громыко, был , пож луй, с мой сложной из тех бесед, которые ему пришлось вести з 48 лет с к ждым из всех девяти Президентов США.

Бесед изобилиов л резкими поворот ми, недоговоренностями. И Кеннеди, и Громыко нервнич ли, хотя внешне ст р лись этого не пок зыв ть. Р зговор в зн чительной степени шел вокруг Кубы и политики США и СССР в этой связи. Президент вел дело к тому, что обострение обст новки произошло из-з действий СССР, осуществлявшего пост вки оружия Кубе. Впрочем, он не проявлял особой воинственности. Д же повторил свое призн ние, сдел нное им еще в Вене при встрече с Хрущёвым в июне 1961 г., что вторжение н Кубу год н з д было ошибкой.

Ди лог шел в р мк х н пряженной, но в целом привычной дискуссии об «оборонительном» и «н ступ тельном» оружии

н Кубе, т. е. без прямых ссылок с обеих сторон н р кеты. Следует отметить, что президент н протяжении всей беседы ни р зу не поднял вопрос о н личии н Кубе советского р кетного оружия (хотя, к к позже выяснилось, снимки ст ртовых площ док советских р кет среднего р диус действия у него леж - ли в столе). Следов тельно, и ему, пис л, оп р вдыв ясь, в своих мему р х Громыко, не н до было д в ть ответ, есть н Кубе т - кое оружие или нет.

Почему промолч л президент Кеннеди? Точного ответ н это нет, но дум ется, что он не имел еще ясного отр бот нного пл н действий, без этого он вряд ли хотел вступ ть в бесцельную дискуссию с Громыко.

Обсужд лись, к к обычно, и герм нские дел , к с вшиеся З п дного Берлин . По ходу беседы Громыко исполнил «поручение Москвы»: перед ть президенту Кеннеди предложение советского руководств о проведении советско- мерик нской встречи н высшем уровне для урегулиров ния спорных междун родных проблем и р ссмотрения вопросов, вызыв вших р схождения между СССР и США.

Хотя непосредственно во время беседы Кеннеди положи тельно ре гиров л н это предложение, позже, в тот же день, мерик нск я сторон сообщил Громыко, что, по ее мнению, ук з нн я встреч , если бы он состоял сь в ноябре 1962 г., носил бы неподготовленный х р ктер и вряд ли привел бы к положительным итог м. Т ким обр зом, В шингтон, не отриц я возможности встречи н высшем уровне, отложил ее н неопределенное время.

Громыко, будучи введенным в з блуждение внешне доволь но спокойным поведением Кеннеди, в целом был удовлетворен беседой с президентом. Весьм пок з тельно его «оптимистическое» сообщение об этой в жной встрече с Президентом США, которое он ср зу отпр вил в Москву.

Все то, что н м известно о позиции пр вительств США по кубинскому вопросу, докл дыв л Громыко, позволяет сдел ть вывод, что обст новк в общем вполне удовлетворителън я. Это подтвержд ется к к офици льными з явлениями деятелей США, включ я президент Кеннеди, в том числе з явлением последнего в беседе с н ми 18 октября, т к и всей информ - цией, котор я доходит до н с по неофици льным к н л м. Есть основ ния счит ть, что США сейч с не готовят вторжения н Кубу и сдел ли ст вку н то, чтобы путем помех экономиче-

ским связям Кубы с СССР построить ее экономику и вызвать голод в стране, тем самым и восстание против режима ...

В последние дни, пислона далее, остроантикубинской кампании в США уменьшились и, соответственно, столько больше выявляться островапроект о Зпдном Берлине. Гзеты шумят о ндвигающемся кризисе в связи с Зпдным Берлином... Можно сказать, что в этих условиях военная вступила США против Кубы почти невероятно.

Товар был в целом успокоительный вывод Громыко буквально не к нуле Крибского кризиса. Посол попытается убедить его дтем более несторживую оценку ситуации, однако министр не согласился: видимо, ему хотелось сделать приятное Хрущеву.

Тем временем события приняли стремительный оборот. В тот же момент, когда посол проводил Громыко из Нью-Йорка в Москву, он был срочно вызван из аэропорта в 6 часов вечера к госсекретарю Д. Руска в Вашингтон для ответственного разговора.

Добрынину, едва успевшему на беседу, было сказано, что президент Кеннеди через час намерен выступить с обращением к нации по радио и телевидению в связи с событиями вокруг Кубы, и в частности объявить строгий запрет на все виды советского и ступельного оружия, перевозимого на Кубу. Одновременно послу было вручено личное послание Кеннеди для Хрущева, в котором резко отмечалось быстрое зверствование без для ракет средней дальности на Кубе и появление там другого ступельного оружия. Президент США указывал, что если события вокруг Кубы будут сохранять эту напряженность, то Соединенные Штаты полны решимости сделать все необходимое для защиты своей безопасности и своих союзников.

Кеннеди выразил надежду, что советское правительство воздержится от любых действий, могущих лишь углубить этот опасный кризис.

Свое поразительное состояло в том, что до этого ни президент Кеннеди, ни госсекретарь Руска ни словом не намекнули на ходившемся здесь еще не к нуле Громыко о том, что события примут такой опасный оборот. Посол окзался перед простым выбором: между лояльностью к министру, который только что успокоил своей телеграммой Москву, и решительностью, которая складывалась вопреки ошибочному составленному прогнозу.

«Вернувшись в посольство, – вспоминал он впоследствии, – я минут десять-пятнадцать провел в одиночестве в своем кабинете, чтобы немного «остыть» и по возможности взвешенно оценить обстановку. Разговор с Раском вызвал у меня понятную тревогу. Я впервые так остро почувствовал всю серьезность ситуации. Дело явно шло к крупному и опасному кризису в отношениях с Соединенными Штатами».

Добрынин проявил здесь свойственную ему черту – быть как можно более объективным в своих оценках и прогнозах. Рискуя вызвать недовольство своего министра, он не привил в Москву жесткий, откровенный доклад, вышедший о возникшей угрозе прямого военного столкновения с США.

«Мне, – писал он в своих мемуарах, – навсегда запомнилась лихорадка октябрьского ракетного кризиса, когда всеобщий мир буквально висел на волоске и когда руководители СССР, США и Кубы вынуждены были, что называется, «на лету» вчитываться в тексты адресованных друг другу посланий. В решающий момент кризиса Кеннеди и Хрущёв оказались на высоте, проявив политическое мужество и выдержку. Что, если бы на месте Кеннеди оказался Рейган, вместо Макнамары – Уайнбергер, а госсекретарем был бы не Раск, а генерал Хейг?

Чтобы понять всю опасность военного конфликта вокруг Кубы, достаточно сказать, что советские ракеты среднего действия имели десятки ядерных зарядов, целями которых могли стать крупнейшие города Америки, включая Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго».

Небезынтересно, что кульминацией связи кризиса, по мнению самого Н.С. Хрущёва, был вечер 27 октября и единственное послание А.Ф. Добрынина к брату президент Роберт Кеннеди (т.е. рано, глубокой ночью в резиденции посла), который не имел контуры возможного компромисса.

В разрешении Кубинского кризиса Добрынин сыграл важнейшую роль. В ходе этой беседы было решено демонтировать советские ракеты на Кубе в обмен на демонтаж американских ракет в Турции.

Кубинский кризис имел важные долговременные последствия. Общественность, обидевшаяся на лидеров – Хрущёва и Кеннеди –

вольно или невольно стали осознавать большую опасность возможности взрыва такого кризиса, в котором они прямо противостоят друг другу. Более того, они поняли необходимость ослабления напряженности после урегулирования кризиса. В течение следующего 1963 г. был подписан ряд соглашений между Москвой и Вашингтоном, включая договор о прекращении ядерных испытаний и соглашение об установлении «горячей линии» прямой связи между обеими столицами.

Понятно также, что после октябрьского кризиса 1962 г. не возникло новых серьезных кризисных ситуаций, связанных со спором вокруг другого опасного очага – Берлин. Не возникло больше и угрозы вторжения США на Кубу во все последующие годы, ведь отведение такой угрозы было одной из главных задач Москвы в кунин и в ходе Кубинского кризиса.

Кризис дал обоим правительствам и лично послу хороший дипломатический урок: сохранение негласных контактов между противоборствующими сторонами, особенно в период острых кризисов, имеет большую ценность. Опыт кубинских событий, по существу, заложил основное направление дальнейшей 24-летней дипломатической деятельности А.Ф. Добрынина и постулат: он хорошо знает, сколь важно быть активным звеном, нередко и прямым участником сугубо конфиденциального канала связи на высшем уровне для ответственного диалога между руководством обеих стран. Подчас это был, пожалуй, единственный путь, который не давал «холодной войне» перерости в «горячую» или в злостный опасный конфликт. Дальнейшая история советско-американских отношений это неглядно подтверждает.

Довольно быстро прошли годы президентства Линдон Джонсон, когда не было каких-либо серьезных конфликтов между СССР и США. Наоборот, было заключено несколько важных соглашений, хотя война во Вьетнаме и иранский конфликт не сложили определенный негативный отпечаток на отношения двух держав.

Прошло более шести лет после Кубинского кризиса. На смену Линдону Джонсону в Белый дом пришел Ричард Никсон – политик, который изначально проповедовал жесткий антисоветский курс. В результате в первые месяцы правления Никсон Кремль нестороженно относился к нему, в частности с учетом активизации политики США в Европе, на Ближнем Востоке и общего противодействия СССР в странах «третьего мира»,

и особенно противопоставления Китая Советскому Союзу. Не торопился Никсон справиться и с продолжением переговоров с Москвой по вопросам контроля над вооружениями, особенно ядерным.

В этот непростой период перед советским посольством в Вашингтоне стояла нелегкая задача по завязыванию и развитию связей с новой администрацией. Это были не целены дипломатический состав посольства и лично посол.

Нельзя сказать, что А.Ф. Добрынин обладал блестящим природным даром устного влияния и поддерживал человеческие отношения и деловые контакты с представителями высшей элиты США. Почти не знали политиков высокого ранга, с кем бы он не был знаком. Это относилось не только к официальным лицам при посольстве, членам Конгресса, но и к ведущим фигурам общественной и культурной жизни, деловых кругов и прессы. Он никогда не делал крен в сторону какой-то одной партии – демократов или республиканцев, слишком хорошо понимая закономерности, по которым функционирует американский политический механизм. К тому же в последние годы пребывания в Вашингтоне (с 1979 г.) он был душой дипломатического корпуса.

Так получилось, что в силу многих обстоятельств вся нагрузка по поддержанию доверительных связей между руководством обеих государств в период «холодной войны» легла на плечи советского посла в Вашингтоне. Этот конфиденциальный канал связи действовал даже в обход дипломатических служб. Знали о нем лишь строго ограниченный круг лиц. Этим закрытым каналом шла личная переписка между главными в СССР и США, проходили поиски решений кризисных ситуаций и сложных дипломатических переговоров. Существование такого тайного канала, возможно, не совсем укладывается в привычные, удобные схемы конфронтационных отношений периода «холодной войны». Но жизнь была шире типовых схем. Конфиденциальный канал, будучи производным продуктом конфронтации, вносил элементы гибкости, известной предсказуемости в отношении ракетно-ядерных держав, уменьшая опасность серьезных просчетов и конфликтов между ними, и облегчал поиск взаимоприемлемых решений.

Установление А.Ф. Добрыниным закрытых встреч (в рамках конфиденциального канала) лично с президентом Никсоном и его помощником по делам национальной безопасности

Г. Киссинджером пост вило н прочную основу доверительную связь между руководством обеих стр н, советского посл и Белый дом соединил д же прям я з крыт я телефонн я линия.

Посол Добрынин, вспомин ет Киссинджер, его п ртнер по многим переговор м тех лет, был свободен от склонности рядовых советских диплом тов к мелким препир тельств м для демонстр ции своей бдительности перед н ч льством; он поним л, что во внешних дел х репут ция н дежности является в жным к пит лом. Человек тонкий и орг низов нный, об ятельный внешне и внутренне неизменно осмотрительный, Добрынин п рил в верхних эшелон х В шингтон с редким искусством. Сочет ние нез урядного диплом тического т л нт с погеем подпир вшей его личные усилия советской геополитической мощи позволило Добрынину ст ть с мым влиательным послом СССР в В шингтоне з всю историю советско-америк нских отношений.

К н ч лу 1970-х годов в число приоритетных з д ч вошло огр ничение стр тегических, позднее и космических вооружений. Ст новилось все более и более очевидным, что н р щив ние стр тегических вооружений с обеих сторон приближ лось к оп сной гр ни, з которой мерц л миров я к т строф . Бесконтрольное р звитие военных ядерных прогр мм только увеличив ло риск того, что по к ким-то причин м, в том числе техническим, гонк ядерных вооружений может погубить всю пл нету. Поним ние необходимости обсуждения этих вопросов н прямую между В шингтоном и Москвой появилось почти одновременно в обеих столиц х.

В октябре 1969 г. после первых негл сных прощупыв ний посол получил ук з ние связ ться с президентом Никсоном и перед ть ему предложение пр вительств СССР н ч ть обсуждение возможных огр ничений стр тегических вооружений. В к кой-то степени к этому Москву подт лкивал тогд и р стущ я оз боченность по поводу н меч вшейся прогр ммы по созд нию в США противор кетной обороны «Сейфг рд». Вскоре переговоры н ч лись в Хельсинки н уровне офици льных делег ций. Переговорщики с с мого н ч л почти з хлебнулись в трудностях прежде всего концепту льного х р ктер , н чин я с вопрос о том, к кое ядерное оружие можно счит ть стр тегическим, к кое – нет.

В этих условиях был ктивно з действов н конфиденциальный к н л. Все основные вопросы отр б тыв лись сн ч л

на уровне Добрынин–Киссинджер, где велся поиск рывязок, определялись рывки возможных компромиссов. Когда достиглся определенный уровень взаимопонимания по ключевым вопросам, достигался точное соглашение по этому ключевому вопросу перед тем, как перейти к следующему вопросу и военно-техническую договоренность делегациям в Хельсинки.

Успешное применение двухуровневого подхода, когда одновременно решались и обычные дипломатические вопросы, привело к серьезным прорывам в области переговоров по ограничению и сокращению вооружений.

Киссинджер и Никсон были убежденными сторонниками негласной дипломатии, полагая, что таким образом можно добиться большего, чем на обычных переговорах, подверженных болезни пропагандистской полемики и утечки доверительной информации. Никсон позднее писал, что «молчание является особенно эффективным в риторике дипломатической тактики. Если действие говорит громче, чем слово, все равно бывают времена, когда молчание говорит все же громче». Примером успешного применения этой тактики он считал переговоры Добрынин – Киссинджер.

С ноября 1969 по май 1972 г. велись активные переговоры по закрытой линии, и в ходе визита Никсона в Москву в конце мая 1972 г. было подписано несколько советско-американских соглашений, в том числе Договор об ограничении систем противоракетной обороны и временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1).

Заключенное в 1972 г. соглашение по ОСВ-1 и Договор о противоракетной обороне стали основой всего последующего процесса ограничения и сокращения стратегических вооружений. В 1979 г., уже при Картере, был подписан Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2), хотя США так и не ратифицировали его.

Вместе с тем надо сказать, что еще в 1967 г. прорительство Л. Джонсон дважды поднимало перед Москвой новый тогдашний вопрос о взаимном отказе от строительства систем противоракетной обороны. Аргументация: разрывание систем дестабилизирует общую стратегическую обстановку и повлечет за собой новую дорогостоящую гонку ракетно-ядерных вооружений без реального обеспечения безопасности обеих сторон. Впервые заговорил об этом министр обороны США Р. Макнамара во

время приватного ужина с советским послом у себя дома вдвоем. Он привел при этом ряд расчетов, сделанных по его указанию американскими учеными (первоначально лишь стоимость, например, будет 30–40 миллиардов долларов, строительство займет 10–15 лет). Мкнмр предложил совместно прикинуть возможности осуществления соответствующего соглашения в строительстве субмарин ракетно-ядерных сил при полном запрете систем ПРО. Он выразил даже готовность, согласно президенту Джонсону, лично поехать в Москву для первоначального обмена мнениями.

Однако Москва отмолачивала в связи с соответствующей телеграммой посла (с положительной рекомендацией) этот счет. Против каких-либо ограничений системы ПРО решительно выступали только советские военные, так как в СССР неслись созданы первые элементы таких систем вокруг Москвы и Тллина, хотя они были еще весьма несовершенны (о чем послу прямо говорил Мкнмр, ссылаясь на американские данные).

Через несколько месяцев, в июне 1967 г., вопрос о запрете ПРО вновь, уже на своем уровне, поднял президент Джонсон при встрече с Косыгиным в американском Генеральном штабе, который был организован в связи с попытками урегулировать боингильский военный конфликт. Косыгин ответил фактически зом по вопросу о ПРО («Как можно запреть оборонительное оружие?»). Так еще в конце 60-х годов приоткрылась возможность договориться по ПРО.

Но значительно позднее, в 2002 г., именно США под предлогом трагических событий 11 сентября 2001 г. и угроз со стороны «странизгоев» вышли из Договора по ПРО.

В целом в 1970-е годы было заключено немало соглашений по различным спектрам двусторонних отношений. Однако не все эти полезные договоренности получили необходимые публичное признание или известность, ибо основные идеологические и другие противоречия оставались и довлели над нами современников. Однако многолетняя рботадипломатии обеих сторон принесла все же определенные результаты: был создан достаточно широкий спектр советско-американских международных договоренностей, который – как своего рода страховочная сеть – помог не только сохранить мир, но и двинуть его на более высокую ступень прогресса и взаимопонимания.